

KrasowickaJa, Tamara J.

Сталин и Луначарский : борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917-1929 гг.)

Rozprawy z Dziejów Oświaty 48, 73-99

2011

Artykuł umieszczony jest w kolekcji cyfrowej Bazhum, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych tworzonej przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego.

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie ze środków specjalnych MNiSW dzięki Wydziałowi Historycznemu Uniwersytetu Warszawskiego.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tamara J. Krasowickaja

Moskwa

Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917–1929 гг.)

У двух центральных наркоматов: Народного комиссариата просвещения – Наркомпроса (возглавляемого А. Луначарским) и представителей Народного комиссариата национальностей – Наркомнаца (возглавляемого И. Сталиным) представления о будущем школы в стране с крайне сложным в этнокультурном отношении населением были различными. Большевики, теоретически признавая право наций на самоопределение (и, соответственно, права получения образования на родном языке), увязывали его с идеологией интернационализма. В ней это право интерпретировано с классовых позиций. Изначальные противники федерализации, они с трудом отходили от идеи унитарного государства и его инструментов, для которых национальный фактор вторичен. Привлекательный лозунг права наций на самоопределение расширял социальную базу большевиков, но влиял на развитие сепаратистских тенденций. Большевики «перекрывали» их идеей интернационализма как основы межкультурных отношений.

В первый период (осень 1917 г. – весна 1919 г.) формированию административных механизмов сопутствовала острейшая борьба центробежных и центростремительных сил. Трудность «состыковки» реальной национально-культурной структуры с умозрительным идеалом нового общества, нестабильность и неясность административных границ, дополнялись и умножались соревновательностью и сепаратизмом центральных властных структур.

Наркомнац занимался проблемами компетенции центра и национальных территорий, понимаемой как непосредственная

задача национальной политики. В Наркомпросе РСФСР, отвечавшим за реализацию школьной политики, не предусматривались структуры, учитывающие полиэтничность населения. Большевики раскалывали национальные элиты, соблазняя настроенных левачки. Те стремились вырвать уступки. Налицо были прагматизм, хитрость, осторожность, готовность сторон уступить.

Молодые и амбициозные, национальные элиты пришли в Наркомнац. Руководящие должности в нем занимали представители 49 национальностей¹. В Наркомнац вливались как образованные представители этнических элит, преимущественно протобуржуазные, родоплеменные, так и разночинские, из бедняков, воспринимая идеи большевистского модернизма на поверхностном уровне. Разночинцы и «пролетарии» довольно быстро теснили первых на вторые места.

В Наркомнаце тенденция к созданию органов управления отталкивалась от имперской практики, но резко выбивалась от практики «красногвардейской атаки», направленной на аккумулярование культурных ресурсов под крышу Наркомпроса. На нерусских территориях такая атака усилила центробежные тенденции. У Сталина не сложились отношения с руководителями национальных комиссариатов. В его отсутствие 26 апреля 1918 г. коллегия постановила: «Одной из основных задач считать культурно-просветительную деятельность различных национальностей, входящих в Российскую Федерацию», «участие свое в культурном строительстве ... крайне необходимым»².

Острая борьба наркоматов началась с того, в чьей компетенции будет находиться школа. Наркомпрос, наблюдая развертывание «национальных наркомпросов» в Наркомнаце, 30 апреля запросил, «как, по мнению» его, «должно быть установлено взаимоотношение обоих комиссариатов в деле народного образования и какое ... намечается разграничение компетенции?»³. Наркомнац просил предоставить национальным комиссариатам право делегировать по одному представителю в Госкомиссию по просвещению. 12 мая представители комиссариатов образовали аналог Госкомиссии для нерусских народов – культурно-просветительную комиссию

¹ Więcej na ten temat zob. T. Ю. Красовицкая, *Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924 гг.*, Москва 2006, ss. 406.

² Т. Ю. Красовицкая, *Власть и культура*, Москва 1992, s. 49; Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii [GARF], f.londl P-1318, op.lisl 1, d.lietol 496, k. 6.

Наркомнаца. Наркомпрос продвигал идеологию общегосударственной единой трудовой школы, на местах развивались культурно-автономистские процессы.

Наркомнац настаивал на постоянном представительстве своей культурно-просветительной комиссии в Госкомиссии с «решающим голосом» «в вопросах... национального просвещения»⁴. К тому подвигало восприятие радикально настроенных ее членов, требовавших «острых реформ», «острого революционного пути», «распоряжаться всеми силами и средствами», стремиться к «одному целому, одной крепкой руководящей воле, одному сознанию». Часть этнических элит надеялась соединить коммунистическую модель преобразований с собственными представлениями о модернизации.

26 мая 1918 г. коллегия Наркомнаца пошла навстречу Наркомпросу. Направлен ответ: «дело народного образования должно быть централизовано» в Наркомпросе с учетом национальных особенностей. Предложен вариант вхождения культурно-просветительной комиссии Наркомнаца в Госкомиссию «в полном составе» образуя «межнациональную секцию»⁵. Но 18 июня СНК РСФСР утвердил «Положение об организации дела народного образования в РСФСР». Руководство им возлагалось на Госкомиссию Наркомпроса. В нее Наркомнац получил право делегировать лишь 1 представителя⁶.

22 июня на заседании Госкомиссии замнаркома просвещения М.Н. Покровский, заявил: «создание национальной культуры на средства центра – фактор культурного раздробления России»⁷. Он предложил создать в Наркомпросе отдел национальных школ с представителями его на местах. 26 июня Покровский еще резче подчеркнул: «в Большой Государственной комиссии решено не поддерживать национальную культуру – это дело самой нации, а наша задача – общегосударственная». Вопрос «имеет политическое значение» и «он, конечно, останется за центром»⁸.

Игнорирование Наркомпросом национальной специфики (чаще всего она была незнакома или казалась несущественной) вызвало разные формы недовольства: от глухого раздражения до открытого сопротивления. Продолжались бурные дебаты. На местах опирались

³ Ibidem, d. 497, k. 42.

⁴ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 102, k. 76v.

⁵ Ibidem, d. 35, k. 210–210v.

⁶ *Декреты Советской власти*, т. 2, 17 марта – 10 июля 1918 г., Москва 1959, s. 451.

⁷ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 35, k. 210–210v.

⁸ Ibidem, op. 2, d. 194, k. 33–34.

на постановление III Всероссийского съезда советов «О федеральных учреждениях», предоставлявшем «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они, и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве»⁹.

Эсеровский мятеж в июле 1918 г. усилил тенденцию к централизации. Новое предложение Наркомнаца вхождения его представителей теперь уже в коллегию Наркомпроса отвергнуто. Покровский считал: «коллегии... из 16–40... представителей невозможно работать». Необходимо и коллегию отдела национальных школ формировать из «наших людей»¹⁰. 25–30 августа 1918 г. I Всероссийский съезд по просвещению обсуждал «Положение о единой трудовой школе». Наркомнац опоздал представить свой проект на съезд, потратив время на толкование того, что есть национальная школа. Часть стояла за то, что это лишь школа на родном языке обучения, другая – за то, что она – народообразующий фактор. 28 сентября Госкомиссия спешно вынесла проблему на обсуждение представителей Наркомпроса, Наркомнаца, Наркомюста – и Конституционной комиссии. Произошел отказ от термина «национальная школа». Он сочтен «недопустимым» в новом обществе. В. Мицкявичюс-Капсукас предложил назвать их школами национальных меньшинств. Съезд, отметив слабость учета национальной специфики, «Положение» одобрил. 30 сентября 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) его утвердил. 31 октября постановление «О школах национальных меньшинств» подписал М.Н. Покровский¹¹.

Резко возражал мусульманский комиссариат, возглавляемый М. Султангалиевым. «Принцип самоопределения народных масс мусульман в вопросах культуры и просвещения и *федеративное* начало Советской республики» комиссариат понимал «в смысле предоставления национальностям, потерявшим в историческом ходе развития политическую независимость, самой широкой культурно-просветительной автономии». Наркомпросу напоминалось, что декреты и постановления СНК о свободном и равноправном развитии народов «до сих пор не отменены». Но «межведомственные маневры их аннулируют»¹².

⁹ „Известия ВЦИК” 1918, 17 января.

¹⁰ GARF, f. P-1318, op. 1, d. 494, k. 9–9v.

¹¹ Конституция РСФСР, Москва 1918, статья [ст.] 17; Сборник указов 1918, по 74, ст. 812; по 80, ст. 835.

28 ноября 1918 г. член коллегии Наркомнаца С.М. Диманштейн довел до сведения Наркомпроса эту позицию. 29 ноября коллегия Наркомпроса вменила в обязанность отдела просвещения национальных меньшинств руководство всем комплексом культурных преобразований¹³.

Реальный человеческий материал, с которым ближе знакомы сотрудники Наркомнаца, заставлял признавать «необходимость культурной автономии вследствие неспособности государства удовлетворить культурные потребности разных народов». С этим, писал Диманштейн, нужно «пока согласиться»: «аппарат Наркомпроса не в состоянии преодолеть такой трудной задачи»¹⁴. Обозначились две тенденции, влияющие на строительство административного ресурса. Первая отражала реальную этническую структуру. Вторая искала эффективный механизм концентрации контроля над сферой культуры для реализации новой доктрины. На развитие второй у большевиков на нерусских территориях не хватало сил. В каждой тенденции был большой запал конфликтогенности.

К весне 1919 г. противоборство в гражданской войне достигло такого накала, что вопрос о том, на чью сторону станут национальные элиты, стал важнейшим для сохранения власти большевиков. Ленин делал большую ставку на классовую энергию, отодвигая национальный фактор на второй план. Но к весне 1919 г. он яснее других увидел в нем спасение большевистской власти. Федерация автономных национальных республик виделась теперь ему реальным шансом спасения режима. Ее же можно противопоставить бюрократическому централизму. На VIII съезде РКП (б) он выступил против него как «принципиально неприемлемого». Он осудил позицию Наркомпроса: «У нас есть, например, в Комиссариате просвещения... коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! Помоему, такой коммунист, это – великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться»¹⁵.

Идея федерирования России по национально-территориальному принципу стала популярной у национальных элит еще до прихода к власти большевиков. Сталин дискуссии о ней считал «вакханалией»¹⁶.

¹² GARF, f. P-1318, op. 1, d. 404, k. 67–68.

¹³ Ibidem, f. A-2306, op. 1, d. 48, k. 150–150v; f. P-1318, op. 1, d. 494, k. 59.

¹⁴ „Жизнь национальностей” 7 декабря 1918.

¹⁵ В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 38, Москва 1969, s. 183–184.

¹⁶ Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Socialno-Političeskoj Istorii [RGASPI], f. 558, op. 1, d. 140, k. 44–45.

Ленин добился закрепления во второй программе РКП (б) признания федерации как типа советского государства. В решениях VIII Всероссийской конференции РКП (б) (декабрь 1919 г.) подтверждено право наций на самоопределение как не противоречащее федерации.

Хотя приоритет классовых интересов сохранялся, советская власть вынуждена была возвести этничность в ранг важной для новых республик, что отражалось на взаимоотношениях Наркомпроса с Наркомнацем. В апреле 1919 г. состоялся переход 97 сотрудников последнего в Наркомпрос¹⁷, но сближения не произошло. В Наркомпросе уже в мае попытались их сократить, что заставило 31 мая замнаркома по делам национальностей С.С. Пестковского потребовать от М.Н. Покровского усилить внимание к национальному аспекту. Он отметил, что там, где власть «из лишнего усердия или непонимания, или просто самодурства выказывает склонность к притеснению инородцев», то, напоминая он, нерусские народы уже «все-таки знают, ... куда можно жаловаться»¹⁸. Наметилось взаимодействие, хотя и конфликтное, с этническими элитами. В структуре управления этничности отведено второстепенное место.

С марта 1919 г. начался *второй период* формирования административных ресурсов. Образование автономных советских республик и областей в рамках РСФСР шло путем декретирования. Лояльная часть элит включалась в состав автономных органов власти. Заняв важные должности, они акцентировали внимание на этнической специфике.

Разногласия вели к попыткам выработать общую позицию. 3 июля 1919 г. на заседании Госкомиссии по просвещению обсуждался доклад П.Н. Макинциана «Наркомпрос и вопрос просвещения народов нерусского языка РСФСР». Он напомнил, что Наркомнац «невольно» стал органом с двумя десятками «целых министерств просвещения того или иного народа»: Наркомпрос «не предпринял никаких шагов» в этом направлении. Постановление о школах национальных меньшинств от 31 октября 1918 г. он назвал «декларацией», сделанной «огулом». Это – «мертвая фраза, пустой звук»¹⁹. Макинциан предложил «перейти, наконец, от слова к делу». Необходимо «разумное основание к объединению» – «степень

¹⁷ GARF, f. A-296, op. 2, d. 2, k. 21–22.

¹⁸ С. Пестковский, *Национальная культура*, „Жизнь национальностей” 8 июня 1919.

¹⁹ GARF, f. A-2306, op. 2, d. 102, k. 84, 101.

культурности народов». «Отчего поляки должны сидеть в одном и том же отделе с ингушами, что общего между просветительной работой среды зырян и евреев? Ясно, что такое притягивание за волосы... искусственно». Наркомнац, говорил он, «натолкнулся на необходимость пользоваться» родным для народов языком: «подступить нет возможности».

Но на заседании вновь настаивали на жестком «императиве»: задачи Наркомпроса «коммунистические и интернациональные». Потому «немедленно, может быть, ввести один общегосударственный язык», «национальный вопрос не должен существовать»²⁰. Однако Б.Б. Каратеев (ВЦИК) остудил радетелей таких подходов, подчеркнув, что проблема «нисколько не потеряла своей остроты». Представитель от мусульманских народов, некто М., подчеркивал, что для тех, кто мыслит «социалистически, марксистки», цель просвещения «несомненно, ... должна быть 1) ассимиляция народностей в идеале... Затем ... одна единая общечеловеческая пролетарская культура». Но «нужно задуматься» и над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие ... 99,9 % чувашей, мордвы, вотяков, черемис и т.д.». Только тогда «вы пробудите народное самосознание, ... вольете все зачатки возможностей и сил». Но тогда придется признать, что родной язык – «единственное орудие влияния»²¹. М.Н. Покровский резюмировал: «общая теза такова, что всякая национальность имеет право учиться ... на родном языке, извиняюсь за вульгарное выражение, сколько влезет. Прибавлять, заново творить мы, конечно, не будем, потому что коммунисты, потому что интернационалисты, потому, что национальной культуре мы большого значения не придаем». Однако согласился: «мешать самостоятельному развитию ... мы не должны»²².

13 августа 1919 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание работников просвещения народов нерусского языка. Приехали 194 делегата от 16 народов. Открыл совещание А.В. Луначарский, предложив формулу взаимодействия: «единство многообразия» – необходимость «национальному большинству» относиться «с нежностью» к культурам национальных меньшинств²³. Партия

²⁰ Ibidem, k. 96, 103.

²¹ Ibidem, k. 104, 117.

²² Ibidem, k. 112–114.

²³ „Жизнь национальностей” 24 августа 1919.

«интернационалистов» Наркомпроса (П.Н. Лепешинский) вновь настаивала на единстве организационных принципов. Выступая от тюркских народов, член коллегии Наркомпроса Башкирской АССР А. Гисматулин считал, что «просвещение национальностей должно быть организовано в виде особых национальных комиссариатов». Необходима «федерация Наркомпросов». Его поддержало большинство участников, в том числе и коммунисты²⁴. ЦК РКП (б), конечно, поддержал резолюцию, «предложенную Наркомпросом»: «Единая политика в области просвещения всех языков. Единый Наркомпрос. Центр». Однако отметил: вопрос «остается дискуссионным для партии»²⁵.

Идею «федерации наркомпросов» поддержали независимые республики. 26 июня 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял предложение Наркомпроса УССР созвать конференцию представителей наркомпросов советских республик для создания «единого фронта революционной культуры». Приглашения посланы наркомпросам Крымской, Литовско-Белорусской, Латышской республик и Эстонской трудовой коммуны. Но на совещании 21 июля были представители лишь наркомпросов РСФСР, Украины и Крыма. М.Н. Покровский поставил «вопрос о прочном объединении советских республик и настоящей федерации»²⁶.

Возник новый механизм управления – совещания наркомов просвещения. Он открывал дорогу федерализации государственного аппарата. Контакты наркомпросов стали регулярными. Появилась общая смета расходов для РСФСР, Украины, Эстонии, Белоруссии²⁷. Пресечена практика вводить декреты РСФСР на Украине в обход ее властей. 7 мая 1920 г. А.В. Луначарский и нарком просвещения УССР Г.Ф. Гринько договорились: Наркомпрос РСФСР действует «исключительно через Наркомпрос УССР»²⁸.

Серьезным мотивом созыва совещаний стала необходимость добиться единства системы образования. Наркомпрос УССР летом 1920 г. постановил закрыть на Украине школы II ступени. Наркомпрос РСФСР 15 июня «настойчиво рекомендовал» СНК УССР «максимально осторожное отношение» к ним²⁹.

²⁴ Ibidem, 31 августа.

²⁵ RGASPI, f. 17, op. 112, d. 3, k. 32.

²⁶ GARF, f. A-2306, op. 3, d. 229, k. 44v; d. 573, k. 1–2, 26.

²⁷ Ibidem, op. 15, d. 219, k. 64–66.

²⁸ *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины и уполномоченных РСФСР*, 1920, no 9, ст. 163.

²⁹ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 328, k. 180.

Сходные проблемы возникали с наркомпросами и автономных республик. В декретах, объявляющих о создании автономий, сфера просвещения выделялась в их юрисдикцию. Но фактически автономия рассматривалась как тактический прием сохранения власти, а ее структуры как механизм проведения политики центра на местах. Уже 19 мая 1920 г. В. Ленин и М. Калинин подписали постановление «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики»³⁰. Указывалось, что хотя наркомат просвещения БАССР автономен в действиях, но ответствен за них непосредственно перед «Всероссийским ЦИК». Эта формула воспроизведена в декретах об образовании и Киргизской, Горской, Дагестанской АССР³¹. Башкирский лидер А.-З. Валидов писал летом 1920 г. секретарям ЦК РКП (б) Н.Н. Крестинскому и Е.А. Преображенскому: «Наши мнения о путях достижения соответствия между принципами социализма и национального самоопределения ... к сожалению, серьезно разошлись»³². «Кто же Вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года³³. Вами, Сталиным, мною и моими товарищами, спустя четырнадцать месяцев было перечеркнуто Постановлением от 19 мая 1920 года, подписанным лишь Вами и Сталиным? ... Я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение, принятое 20 марта 1919 года, соизволили назвать „клочком бумаги”... Разница между Вашими словами о вручении нациям их неотъемлемых прав в их собственные руки,... и проводимой Вами сейчас политикой настолько велика, что это удивляет»³⁴ возмущался 20 февраля 1923 г. Валидов адресуясь к Ленину.

У новых субъектов власти – наркомпросов автономных республик возникало немало коллизий с центром из-за неясных принципов подчинения. Наркомпрос РСФСР, ему они юридически не подчинялись, забрасывал сотнями указаний. В апреле 1920 г. в тезисах Комиссии ВЦИК «О несоответствии деятельности Наркомпроса с заданиями, поставленными ему программой

³⁰ Сборник указов 1920, no 45, ст. 203.

³¹ Ibidem 1920, no 76, ст. 359; no 53, ст. 232; 1921, no 235, ст. 39, 41.

³² Б. Султанбеков, *История Татарстана: Сталин и «татарский след»*, Казань 1995, s. 161–162; С. М. Исхаков, *Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии*, „Вопросы истории” 2003, no 10, s. 147–159.

³³ Имеется в виду «Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии» от 20 марта 1919 г. *Декреты Советской власти. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г.*, Москва 1968, t. 4, s. 514–519.

³⁴ Цит. за С. М. Исхаков, *Ахмед-Заки Валидов*, s. 147–159.

Коммунистической партии в области единой трудовой школы» подчеркивалось: «Наркомпрос не продумал до конца поставленных перед ним заданий, не столклавшись в своих собственных рядах о том, ... каким образом должно строить новую школу, чему учить в ней». Это привело к «падению уровня знаний у детей или, точнее, полному упразднению школы, как таковой, и замене ее двумя, тремя часами „случайных занятий” по усмотрению педагогов». Наркомпрос «ничего не сделал даже для элементарной популяризации среди пролетариата и крестьянства основных идей новой школы. Последняя осталась чуждой ему... Ничего не только не было сделано, но сама мысль об этом, видимо, была чужда Наркомпросу, как чуждой оставалась и населению созданная Наркомпросом школа. Посещаемость школ упала до неслыханной степени, и трудящиеся берут детей своих оттуда, махнувши рукой на нее»³⁵. Инспектор Наркомпроса в автономиях «везде и всюду получал такой ответ: „Пожалуйста, к каждому распоряжению Центра присоединяйте мешок денег, мы бедны”»³⁶.

29 ноября 1920 г. коллегия Наркомпроса приняла предложение заведующего отделом просвещения национальных меньшинств А.М. Страшуна созывать периодически «совещания наркомпросов федеративных частей республики в центре ... для согласования и направления в федеративном масштабе основных мероприятий по просвещению всех федераций и иных политических образований в Советской России». Их компетенцию свести к «установлению единой политической линии»³⁷. На I Всероссийском совещании представителей автономных республик и областей и губернских национальных отделов в Москве 18–21 декабря 1920 г. Страшун ставил вопрос: как строить работу: «путем механического смешения наций, или мы должны поднять культуру всех наций?»³⁸

Конструкция государственного аппарата выстраивалась по двум «горизонталям». Во-первых, между договорными республиками. Во-вторых, между центром и российскими автономиями. 10 февраля 1921 г. отдел просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР просил ЦК РКП (б) превратить отдел из «механического

³⁵ GARF, f. P-1250, op. 1, d. 56, k. 2–4.

³⁶ GARF, f. P-1575, op. 1, d. 439, k. 42.

³⁷ Пог. Т. Ю. Красовицкая, *Совещания наркомов просвещения советских республик в 1919–1924 гг.*, „Исторические записки Института истории СССР” 1986 (Москва), т. 113, s. 55.

³⁸ GARF, f. P-1318, op. 1, d. 433, k. 105.

средостения» «чисто бюрократического характера» между центральным аппаратом и народами, перестать давать «вариться в собственном соку», увеличить его «идейное влияние»³⁹.

Реформа Наркомпроса РСФСР весной 1921 г. существенным образом перестроила систему руководства. Отдел просвещения национальных меньшинств упразднился. Создавался Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен РСФСР). В. Ленин непосредственно изменил статус отдела на Совет⁴⁰. Важным стало его размещение при коллегии Наркомпроса. Это означало: все принимаемые Наркомпросом решения должны быть интерпретированы применительно к особенностям национальных культур и «их исторического развития»⁴¹.

Более того, в главных управлениях Наркомпроса созданы представительства Совнацмена: в Главном управлении социального воспитания и политехнического образования – Главсоцвосе, Главном управлении политического просвещения Народного комиссариата просвещения – Главполитпросвете, Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по ликвидации безграмотности, Главном управлении профессионального образования – Главпрофобре, Главном управлении научными, научно-художественными и музейными учреждениями Главнауке. Председатель Совнацмена введен, наконец, в коллегию Наркомпроса. Юрисдикция Совнацмена распространялась на неавтономные территории РСФСР. Там создавались его структуры (губернские совнацмены). К концу 1921 г. их было уже 78⁴².

Такую конструкцию переняли наркомпросы автономий. В состав Совнацменьша Туркестанской АССР входило 9 национальных бюро⁴³ для русских, украинцев, евреев, армян, немцев, ирано-азербайджанцев, бухарских евреев, таджиков, татар и башкир. При Совнацмене Крымской АССР работали татарская, немецкая, еврейская, армянская, эстонская, греческая секции. Сходной была конструкция Совнацмена Татарской АССР, Башкирской АССР. Аналогичные структуры работали на Украине, в Белоруссии, позд-

³⁹ GARF, f. A-230, op. 1, d. 579, k. 12.

⁴⁰ Zob. Ю. Ахапкин, *Новые документы В. И. Ленина*, „Вопросы истории КПСС” 1986, no 7, s. 3–19.

⁴¹ GARF, f. P-1235, op. 119, d. 39, k. 100.

⁴² GARF, f. A-296, op. 1, d. 9, k. 1–73.

⁴³ Zob. М. Р. Шукуров, *История культурной жизни Советского Таджикистана*, Душанбе 1970, s. 48.

нее, в ЗСФСР. Положительно оценивал Совнацмен РСФСР на лекциях в МГУ в 1929 г. известный юрист В.Н. Дурденевский⁴⁴.

Но не утихали дискуссии о компетенциях центральных органов. Наркомнац и Наркомпрос РСФСР оспаривали их, ревниво оценивая успехи и не упуская возможности отметить промахи. В 1922 г. в преддверии образования СССР работа по разграничению компетенций активизировалась.

Союзный договор 1922 г. основывался на компромиссе между национальной автономией и централизованным государством, которое должно стать средством осуществления революционного идеала. 31 марта 1921 г. коллегия Наркомпроса утвердила положение о Совнацмене РСФСР, за исключением порядка взаимоотношений с автономиями. Наркомпрос запросил Оргбюро ЦК РКП (б): «как надо толковать» появившееся «его решение *о личной унии* завнацмен Наркомпроса и члена коллегии Наркомнаца? О нем в Наркомпросе ничего неизвестно». Как выяснилось, Наркомнац считал, что только он имеет право назначать председателя Совнацмена, с чем и обратился в ЦК РКП (б)⁴⁵. К 1921 г. Сталин овладел собственным наркоматом, лично формировал и состав коллегии, и Совет национальностей, появившийся в этом году. Заведующий еврейской секцией ЦК РКП (б) А.Н. Мережин считал, что Наркомнац превышает свои права: «заведующего назначает тот ... наркомат, который ответствен за его работу». Мережину ответили, что 7 июня 1921 г. коллегия Наркомнаца решила «наиболее целесообразным» вообще сосредоточить «в Наркомнаце работу Наркомпроса среди всех национальных меньшинств, объединить ее с работой в автономных республиках, областях и коммунах». Мотивы сводились к необходимости контроля не только наркомпросов, но и других наркоматов в автономиях: здравоохранения, юстиции и др.⁴⁶ Но Совет национальностей Наркомнаца поддержал коллегию только в том, что председатель Совнацмена должен быть членом коллегии Наркомнаца. Вопрос же о передаче дела просвещения в Наркомнац признан вопросом «главным образом политическим». Тогда Луначарский личным распоряжением назначил автора проекта реформы Совнацмена Страшуна его заведующим. Сталин предпринял

⁴⁴ В. Н. Дурденевский, *Лекции по праву социальной культуры*, Москва-Ленинград 1929.

⁴⁵ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 634, k. 45; d. 637, k. 33.

⁴⁶ *Ibidem*, f. P-1318, op. 1, d. 6. k. 89-90.

ответный ход. Через ЦК РКП (б) он включил Страшуна и Мережина в число мобилизованных на работу в Среднюю Азию⁴⁷.

На Всероссийском совещании заведующих губоно в феврале 1922 г. возникла идея создать *совещательный* орган: Федеративный совет по просвещению при Наркомпросе РСФСР. Предложение поддержали Украина, Белоруссия, российские автономии⁴⁸. Но представители Украины возражали против нахождения его при Наркомпросе РСФСР. Они усмотрели в такой конструкции попытку последнего стать союзным ведомством, что ограничило бы права республик. И не без оснований: в марте 1922 г. в Наркомнац направлен наркомпросовский проект декрета о Федеральном комитете по просвещению. Как видим, совещательный статус предполагаемого органа в названии уступил место статусу «императивному». Наркомнацу предлагалось сформулировать предложения об участии в нем договорных республик. Там проект вызвал резкие возражения: в структуре союзного этажа власти Наркомнац, как и Наркомпрос РСФСР, не предусматривались⁴⁹.

На проектировании союзного этажа власти отражались разногласия между Лениным и Сталиным о форме объединения республик: федеративного союза (Ленин) или вхождения в РСФСР на правах автономий (Сталин). Сталин оставался на позиции, высказанной еще в 1917 г.: «федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса... Он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории»⁵⁰. Замнаркома Г.И. Бройдо 29 апреля на заседании Совета национальностей Наркомнаца, продвигал сталинский план «автономизации». Он заявил: «Мы должны объявить войну против федеральных комитетов и войну реальную, ... признать, что они родились в результате нашего бездействия... Нужно создать комитеты при Наркомнаце по тем линиям, которые вызываются жизнью: НКЗему, НКПросу ... Идя по такому пути, Наркомнац превратился бы в ведомство,веряющее другие ведомства»⁵¹. Не забывая и о ведомственных интересах, Бройдо считал: «федеральные комитеты представляют уже не могилу для Наркомнаца, а первый ком земли, брошенный на гроб Наркомнаца... Надо ... научить все

⁴⁷ RGASPI, f. 17, op. 112, d. 333, k. 2.

⁴⁸ GARF, f. A-296, op. 1, d. 11, k. 21.

⁴⁹ GARF, f. P-1318, op. 1, d. 113, k. 72.

⁵⁰ И. Сталин, *Против либерализма*, „Правда” 28 марта 1917.

⁵¹ GARF, f. P-1318, op. 1, d. 144, k. 23–24v.

ведомства тому, что без Наркомнаца они ничего не могут сделать. Не могут разрешить политических вопросов, не перейдя через Наркомнац... Работа по просвещению национальных меньшинств должна находиться у нас, а не в НКПроме»⁵². Данная позиция высказана через несколько дней после избрания XI съездом РКП (б) Сталина генеральным секретарем ЦК. Она сводилась не только к необходимости ведомственного переподчинения, но и к жесткой централизации руководства культурными процессами в Федеральном комитете по просвещению, но при Наркомнаце. Согласно такому подходу Совнацмен следовало передать в Наркомнац.

Сталин теперь использует ранее не волновавшую его неудовлетворенность сотрудников Совнацмена недостаточным вниманием к их проблемам в Наркомпросе РСФСР. Там продолжали бушевать страсти, выливавшиеся в попытки то сокращать сотрудников Совнацмена, то ликвидировать его вообще, то игнорировать работу его подразделений. В мае 1922 г. коллегия Наркомпроса приняла решение о ликвидации такового в Главсоцвосе, в октябре – в Главполитпросвете, что вызвало жалобы Совнацмена в РК РКИ⁵³, где Сталин также был наркомом. Но передачу в Наркомнац сотрудники Совнацмена не поддерживали, полагая, что возникавшие конфликты «примут межнациональный антирусский характер, что недопустимо»⁵⁴.

Тем не менее, 3 мая 1922 г. Совет национальностей Наркомнаца одобрил положение о создании в Наркомнаце федеральных комитетов, в первую очередь – Федкомпроса. Главная функция самого Наркомнаца формулировалась как «обеспечение мирного строительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также договорных братских союзных республик». Это вполне укладывалось в линию на «автономизацию» Сталина. 27 июля ВЦИК, выйдя за пределы своей юрисдикции, утвердил такое положение о Наркомнаце⁵⁵. На срочно созданную должность заместителя наркома по культурно-просветительной работе назначен М.-Д. Гусейнов. На должность председателя Федкомпроса – А.Е. Костерин. 26 сентября коллегия утвердила положение о Федкомпросе (разработал Т.Р. Рыскулов). Компетенция его сосредоточивалась на формировании культурной политики среди

⁵² Ibidem, k. 40–44.

⁵³ RGASPI, f. 17, op. 60, d. 999, k. 41; d. 993, k. 38; GARF, f. A-296, op. 1, d. 33, k. 27v.

⁵⁴ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 1293, k. 27.

⁵⁵ Zob. „Жизнь национальностей” 1922, no 17, s. 11.

нерусских народов и ее реализации. Предполагался и перевод кредитования в Наркомнац.

Решения пленума ЦК РКП (б) 6 октября 1922 г., казалось бы, положили препоны устремлениям Наркомнаца в масштабе создаваемого союза. Казалось бы, Сталин признал, отметив в интервью в «Правде» 18 ноября: «комиссариаты внутренних дел, земледелия, просвещения, юстиции, собес и народного здоровья этих республик и федераций остаются в безраздельном и непосредственном ведении этих последних»⁵⁶. Но его, наркома по делам национальностей, конечно, уязвила победа Ленина. С формированием теперь уже союзных органов управления вставал вопрос о судьбе Наркомнаца. Жесткая борьба ведомств обрела новое содержание. Луначарский же продвигал совещания наркомов на роль общесоюзного органа. После пленума 22 октября он «уколот» в «Известиях» Сталина, «неумным перенесением необходимой политической федерации, вызывающейся разнообразием национальностей, ... в таком вопросе, как ... дело народного образования»⁵⁷.

Но и совещания наркомов просвещения были наполнены противоречиями и конфликтами представителей республик разного ранга о составе участников, их компетенции и юрисдикции. Они разрешались с большим трудом. Обсуждая состав совещаний, наркомы российских автономий настаивали на равных правах с наркомами союзных республик. Вопрос обсуждался совещанием наркомов РСФСР, Украины, ЗСФСР и Белоруссии в ноябре 1922 г. Его поставил представитель Грузии, входившей в ЗСФСР. Из «союзных» наркомов его поддержал лишь Луначарский⁵⁸. Нарком просвещения Украины В.П. Затонский предложил трансформировать Федкомпрос в Союзный комитет по образованию. Луначарский вначале согласился, считая, что Союзный комитет, «в удобной, не посягающей на гегемонию форме, создал бы некоторую централизацию, способную обнять единой системой все строительство». Но «юридически, – настаивал он, – все наркомы по просвещению равноправны... Это вытекает из самого принципа автономии ... национальностей в культурной работе»⁵⁹.

За такой мотивацией крылось то, что многие, не разделяя Сталинский подход, на самом деле, оставались сторонниками

⁵⁶ И. В. Сталин, *Сочинения*, т. 5, Москва 1947, s. 138–144.

⁵⁷ „Известия” 22 октября 1922.

⁵⁸ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 1293, k. 27.

⁵⁹ „Известия” 22 октября 1922; 10 января 1923.

централизма, к чему склонен и Луначарский. Добиваясь равенства наркомов, он обеспечивал доминирующее положение Наркомпроса РСФСР. На закрытом заседании коммунистической фракции X Всероссийского съезда советов 30 декабря 1922 г. В.П. Затонский призвал создать союзное ведомство руководства культурой. Звучали голоса (С. Саид-Галиев, Татария) о «возвращении в лоно пролетарской культуры»: «какая разница между Крымской или Татарской республикой и Тульской губернией, никакой разницы в этом отношении нет». М.И. Лисовский заметил: «Мы теперь впадаем в крайность. Раньше мы слишком много политканствовали, а теперь перестаем думать о политике». Союзное ведомство вызовет негативную реакцию в республиках и, поскольку во фракции «идет откровенный разговор», он напомнил, что «вне зависимости от советской структуры у нас есть структура партийная, централизованная до такой степени, до какой не могут дойти самые необузданные желания централистов... И поэтому, если кто имеет в виду, как бы наркомы не уклонились от идейного руководства, то стоит вспомнить, что ЦК партии данной республики являет нечто вроде областной организации *русской* коммунистической партии, и что можно, не смущая националистов, провести свое вмешательство в дело народного образования». Удалов считал, что «это очень глубокий вопрос», он «чреват ... большими последствиями». В кулуарах съезда «беспартийная публика ... ведет разговоры о том, что в отделившихся Эстонии, Латвии, Финляндии дела идут лучше». «Нам надо подвести известный жизненный фундамент под те республики, которые живут и должны жить до известной степени самостоятельно. Здесь – фракция и меня, конечно, понимают. В наших лозунгах мы говорим о независимости, самоопределении и т.д., а, между прочим, мы стремимся слопать это самоопределение». Его поддержал председатель Татарского СНК К. Мухтаров⁶⁰.

Резче других выступил М. Султангалиев (Наркомнац): «Создается ненормальное положение»: оно делит народы «на пасынков и настоящих сыновей». «Пора кончить игру в эту независимку»⁶¹. Сталин отводил стрелы, которые «метал» в него Султангалиев: автономии-де «упорно» принимают «слова о независимости за чистую монету». Они «упорно» требуют «проведения в жизнь

⁶⁰ RGASPI, f. 94, op. 2, d. 10, k. 71–131.

⁶¹ Ibidem.

конституции независимых республик»⁶². Сталин настаивал: «держаться республикам в одном стане на тонкой линии надолго – это немислимо. Вот почему мы от духовной связи ... переходим к связи формально государственной». Аргументы Султангалиева, Мухтарова и других о недопустимости «категорирования» народов Сталин «передернул»: «разложив наши федеральные образования на части», придется «создавать русский ЦИК, не российский, русский Совнарком». Сталин пугал делегатов тем, что русские «останутся вне союза... Какая в этом политическая необходимость?»⁶³. Сведя дискуссию к «шутке», Сталин сказал: если Затонский «уж очень будет настаивать на том, чтобы мы и эти комиссариаты взяли под опеку в центре, может быть я, как человек уступчивый, пожалуй, уступлю».

На совещании наркомов просвещения 29 декабря 1922 г. В.П. Затонский сменил позицию, заявив, что видит Союзный комитет теперь как орган, исполняющий решения, принятые большинством наркомов, как орган «защиты интересов народного образования во всем Союзе по соглашению с отдельными его частями». Он должен собираться периодически для координации работы⁶⁴. Предложение Затонского было поддержано, но возникли расхождения: при какой структуре учреждать теперь Союзный комитет? Замнаркома просвещения РСФСР И.И. Ходоровский считал, что при ЦИК СССР, нарком просвещения Татарии М.Ю. Брундуков, что при Наркомпросе РСФСР. Совещание поддержало Ходоровского⁶⁵.

А. Луначарский продолжал отстаивать равенство прав автономий с союзными республиками. На открытом заседании X Всероссийского съезда советов 30 декабря он подтвердил: «НКП РСФСР ни в какой степени не подведомственны народные комиссариаты не только других советских республик, что само собою разумеется, но также и автономных республик»⁶⁶. Разногласия по составу участников совещаний вылились в дискуссию теперь уже о составе Союзного комитета. Представители Белоруссии и Украины считали, что в него должны войти лишь наркомы союзных республик: у них не было автономий и при голосовании они оставались бы в меньшинстве. Соглашения достигались с большим трудом: представителям Украины предложено большее количество мест.

⁶² „Известия ЦК КПСС” 1989, по 9, s. 198–200; 1990, по 9, s. 77.

⁶³ RGASPI, f. 94, op. 2, d. 10, k. 71–131.

⁶⁴ Т. Ю. Красовицкая, *Совещания*, s. 58; „Правда” 10 января 1923.

⁶⁵ Т. Ю. Красовицкая, *Совещания*, s. 58.

⁶⁶ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 1369, k. 16.

Тем не менее, формула состава совещаний оставалась расплывчатой: наркомы или замнаркомы «всех советских социалистических республик Союза ССР». Позднее Ходоровский объяснял ее нечеткость «определенными затруднениями», за ними скрывалась острота борьбы вокруг форм объединения в целом.

Сталин отлично понимал «резоны» Луначарского как наркома республики с множеством автономий. Сразу после подписания Союзного договора 31 декабря Наркомнац провел отдельное совещание с их представителями. Судьба Наркомаца оставалась открытой. Бройдо заявил: «Наркомнац твердо становится на путь превращения его в НКПрос национальных меньшинств, ибо за 5 лет существования НКПрос РСФСР почти не мог проявить себя как нерусский комиссариат»⁶⁷. Правда, предложил включить в состав Федкомпроса представителей Совнацмена и Наркомпроса⁶⁸. Другой заместитель Сталина в Наркомнаце, Г.К. Клиндер, утверждал: «Мы предполагаем вхождение в Федкомпрос при Наркомнаце и союзных республик на договорных началах. Жизнь заставит». Оценивая проект Луначарского, он отметил: «Федком при Союзном ЦИКе не сможет так выявить нужды и потребности автономных республик, как при Наркомнаце, в который, по точному смыслу Конституции, войдут представители союзных республик, следовательно, от РСФСР – один представитель»⁶⁹.

Луначарский не сдавался, 6 января 1923 г. он пишет письмо Сталину: «Дорогой товарищ! Я посылаю Вам копию моей статьи об объединении чрезвычайно осторожном и вполне в духе общей конституции дела просвещения в Союзе. Очень прошу внимательно прочесть ее. Я знаю, что Ваши товарищи по коллегии Наркомнаца стоят на другой точке зрения, и они все время Вами лично пугают: Сталин-де считает это недопустимым и т.д. Конечно, если бы у меня было какое-нибудь поползновение нарушить автономию того или иного наркомпроса, Вы должны были бы пресечь это. Равным образом, если бы я пытался изменить ту политическую линию, согласно которой автономные республики не получают непосредственного представительства в союзных органах, то и тут Вы должны были бы враждебно встретить меня. Но я ни того, ни другого не делаю, а, исходя именно из обеих необходимостей:

⁶⁷ GARF, f. P-1318, op. 1, d. 56, k. 18v.

⁶⁸ Ibidem, d. 18, k. 134.

⁶⁹ Ibidem, d. 56, k. 18v.

объединения, с одной стороны, и [с другой,] действительной автономии и действительного равенства в отношении просвещения между отдельными наркомпросами (равенства юридического, конечно, ибо идейно и морально мы постараемся приобрести руководящее положение, и нам это будет нетрудно) – создаю весьма скромный аппарат совещательный – „Союзный комитет по народному образованию”, в который будут входить все наркомы по просвещению, которые будут собираться раз в три месяца, которого председатель будет входить с совещательным голосом для защиты интересов народного образования в общесоюзный центр и т.д. Очень подчеркиваю Вам, что все наркомы по просвещению, большие и малые, единогласно и решительно высказались за этот план, мною предложенный, единогласно и решительно отвергли параллельный план Наркомнаца. Я настолько верю в Вашу огромную политическую проницательность, что уверен в способности Вашей совершенно объективно отнестись к этому делу, независимо от Вашего положения комиссара по делам национальностей и той отрасли, в которой все это дело представлено Вам Вашими товарищами по ведомству»⁷⁰.

10 января Луначарский публикует статью, которую и советует «внимательно прочесть» Сталину: «В Наркомнаце еще до рассмотрения этого вопроса под углом зрения Союза возникла идея создать Федкомпрос. В него должны были войти все наркомы РСФСР, причем за самым большим из них, т.е. русским, сохранялись известные права и преимущества». Обратим внимание: Луначарский впервые открыто признает, что Наркомпрос РСФСР понимается как русский наркомат. Но Луначарский привлекает тем самым внимание к статусу всех народов в федеративном союзе: «Понятно, – пишет далее он, – из каких соображений исходя, рекомендовали организацию такого Федкомпроса при Наркомнаце, а не при русском Наркомпросе. От последнего могло бы повеять на те, или иные настроенные нервы попыткой какой-то русификации. Наркомнац же является конституционным защитником интересов национальных меньшинств в федерации и мог бы, таким образом постоянно присутствовать в качестве некоторого арбитра между московским Наркомпросом и наркоматами относительно малых наших автономных республик. Обстоятельства теперь изменились. Приходится говорить об объединении не внутри Федерации, а внутри Союза,

⁷⁰ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 3352, k. 13.

и вот Наркомнац предлагает придерживаться прежнего своего плана, вышеуказанный комитет устроить опять-таки при Наркомнаце. Я думаю, что защищать серьезно эту точку зрения вряд ли было бы возможно. Если это будет союзный комиссариат, то, конечно, он не может существовать при Наркомнаце одной из федеративных республик... Весь дух нашей политики настаивает именно на полном сохранении автономии на равных началах и для Белоруссии, и для Татарской республики»⁷¹.

Национальная специфика культур народов превращалась в козырную карту борьбы ведомств за свое будущее, за объем прав и компетенций. Сталин в открытую дискуссию с Луначарским не вступил. Его позицию продолжал отстаивать Бройдо: «Наркомнац должен стать в области просветительной работы Наркомпросом автономных республик»⁷². Бройдо подготовил статью, свидетельствующую об острой реакции лично Сталина на механизм, выстраиваемый Луначарским. В рукописи, хранящейся в архиве, под названием «Два уклона в национальной политике и т. Луначарский», Бройдо назвал его ответственным за «процесс разъединения уже существующих федеративных образований». Он цитировал Сталина: такой механизм ведет к «опрокидыванию вверх дном» начавшийся процесс объединения республик⁷³.

Позиция Наркомпроса выглядела предпочтительнее. Регулярные совещания наркомов создавали механизм принятия решений с учетом заинтересованных сторон. Наличие Совнацмена позволяло учитывать потребности культур народов, не имевших автономного статуса⁷⁴.

Борьба начала терять остроту после февральского 1923 г. пленума ЦК РКП (б), обсуждавшего тезисы доклада Сталина XII съезду. Пленум рекомендовал в двухпалатном ЦИК СССР создать Совет национальностей. Это «один из наиболее целесообразных путей для решения национального вопроса». Сталин заблокировал постановку вопроса о создании второй палаты при ВЦИК: «нечего и говорить, что трудовые массы России не примирятся с такой двухпалатной системой»⁷⁵. Многие сотрудники Наркомнаца перешли в Совет

⁷¹ „Известия” 10 января 1923.

⁷² Г. Бройдо, *Наша национальная политика и очередные задачи Наркомнаца*, „Жизнь национальностей” 1923, по 1, s. 12.

⁷³ И. В. Сталин, *Сочинения*, т. 5, s. 152.

⁷⁴ GARF, f. P-1235, op. 120, d. 72, k. 183–187.

⁷⁵ И. В. Сталин, *Сочинения*, т. 4, Москва 1947, s. 70–71.

национальностей ЦИК СССР. Тем положен конец войне ведомств, хотя Наркомнац и вел арьергардные бои, доведя их до Малого СНК. Наркомпрос же резко высказывался за исключение «любого упоминания» о праве Федкомпроса Наркомнаца на утверждение как планов «культурно-просветительной деятельности автономных и договорных республик и областей», так и финансовых смет⁷⁶. Эти маневры Сталина критиковал в последних работах Ленин, признавая, что аппарат управления «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром». По этой причине «все будет тонуть в этом море, ... как муха в молоке». «Роковую роль, – констатирует он, – сыграли торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“»⁷⁷.

Третий период (1923–1934 гг.) ознаменован переключением внимания Сталина на концентрацию властного ресурса в партийном аппарате. Он характеризуется усилением борьбы с союзными и автономными наркомками просвещения как «национал-уклонистами» и устранением их с политического поля. На XII съезде РКП (б) в апреле 1923 г. Сталин, хотя и представил «великорусский шовинизм» основным злом для партии, но с трибуны проговаривались о реальном положении вещей. Бухарин с удовольствием привел ответ на свой вопрос в кулуарах: «Что у вас нового?»: «Да, что, ничего нового, вот националов душим». На заседании национальной секции съезда представители Украинской ССР (Х. Раковский, Н. Скрыпник), Грузинской ССР (П. Мдивани), Татарской АССР (М. Султангалиев) вновь отмечали «администраторские увлечения», игнорирование того, что «советская федерация не является однородным национальным государством»⁷⁸.

Сталин, стравливая делегатов, лицемерил. Он заявил, что он «не мастер по национальным делам». Ему «это надоело хуже горькой редьки» и почему именно он «должен отдуваться за грехи, которые творятся?»⁷⁹. Подчеркивал, что он «человек подневольный», делал все «по указаниям ЦК и Политбюро». Он намекал (и обоснованно!) на нечеткость и Ленинской позиции: «Вам нужны цитаты из книг тов. Ленина? Я могу представить сколько угодно цитат. Национальный вопрос у тов. Ленина есть вопрос подчиненный высшему вопросу –

⁷⁶ GARF, f. P-1318, op. 1, d. 9, k. 96.

⁷⁷ В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 45, Москва 1970, s. 357.

⁷⁸ „Известия ЦК КПСС” 1991, no 3, s. 163, 169–170.

⁷⁹ Ibidem, s. 169–170.

рабочему вопросу», Ленин «многое забывал в последнее время». Позднее это место из стенограммы Сталин вычеркнул⁸⁰. На IV партийном совещании ЦК с представителями национальных республик и областей (июнь 1924 г.) М. Султангалиеву формально вменена в вину переписка с А.-З. Валидовым. Тот в письме 1920 г. писал Н.Н. Крестинскому и Е.А. Преображенскому: «Встав на путь открытой борьбы против Советов и коммунистов, я обманул не вас. Я обманул таких двуличных государственных деятелей, как Сталин... Появляется коварный, лицемерный диктатор, бесчестно играющий человеческими судьбами, попирающий чужую волю... Внутри партии зарождается страшный террор. Я опасуюсь, что может наступить день, когда и ваши головы полетят с плеч. Я не стану ждать, когда мне отрубят голову»⁸¹. Азербайджанский лидер М.-Э. Расул-заде в 1922 г., оценив схватки «наверху», эмигрировал. В 1925 г. в Стамбуле он опубликовал письмо Сталину о том, что не мог «жить в условиях засилья коммунистической партии, которая узурпировала власть, видеть имперскую политику, наблюдая в течение двухлетнего пребывания в Москве процессы денационализации, ассимиляции, русификации, насильственное подавление солдатским сапогом ростков национальных свобод на Украине, на Кавказе, в Туркестане». Сталин распорядился начать травлю его как «азербайджанского погромщика»⁸².

Луначарский ставкой на равенство прав народов в развитии культур, использовал поддержку наркомов автономий. В. Затонский писал: «Совершенно ясно, что ... именно наркомпросам полагается быть самостоятельными, чтобы ничто не стесняло развитие национальных форм культуры отдельных союзных (также и автономных) республик»⁸³. Основной формой координации культурной политики в масштабе СССР стали совещания наркомов просвещения. Нарком просвещения РСФСР представлял их интересы в СНК СССР. К ведению Союза ССР и его союзных органов отнесено лишь «установление общих начал народного просвещения». Это отражено в пункте «р» Договора об образовании СССР⁸⁴.

С решением вопроса о союзном ведомстве оставался открытым

⁸⁰ Ibidem, s. 172–173.

⁸¹ Г. Хусаинов, *А.-З. Валиди Тоган*, „Ватандаш” 2000, no 11.

⁸² Б. Султанбеков, *История Татарстана*, s. 161–162; С. М. Исхаков, *Ахмед-Заки Валидов*, s. 147–159.

⁸³ „Правда” 26 октября 1922.

⁸⁴ *Постановления Первого съезда Советов СССР*, Москва 1923, s. 4–7.

вопрос о вхождении в состав совещаний наркомов автономий. Создание второй палаты ЦИК СССР – Совета национальностей позволило обосновать их статус как равноправных участников. Коллегия Наркомпроса РСФСР 3 сентября 1923 г. предложила открывающемуся 6 сентября совещанию наркомов организовать единое совещание. И.И. Ходоровский говорил, что теперь появился образец: «почему же нам нельзя стать на такой путь в сравнительно небольшом деле как организация просвещения? Я думаю, что мы не можем выбросить автономные республики. Это противоречило бы нашей национальной политике и не имело бы жизненного значения... В вопросах просвещения автономные республики независимы и самостоятельны так же, как и республики союзные»⁸⁵. На совещании вопрос увязан с определением компетенции совещаний как союзного органа руководства культурным строительством и порядком прохождения общесоюзного законодательства. Присутствовали представители 17 наркоматов: РСФСР, Украины, Грузии, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Крыма, Татарии, Башкирии, Киргизии, Туркестана, Дагестана, Горской республики, Аджарии, Абхазии, Якутии и Карелии⁸⁶. Согласительная комиссия 7 сентября предложила: наркоматы просвещения и союзные, и автономные, в своих пределах руководят сферой культуры⁸⁷.

Прохождение общесоюзного законодательства рассматривалось в двух вариантах. Наркомпрос РСФСР предлагал возникающие законопроекты предварительно рассматривать на совещаниях наркомов. При достижении «единогласия» они вносятся на утверждение СНК СССР. В противном случае они передаются на рассмотрение СНК союзных и автономных республик. Наркомпрос Украины ставил их принятие в зависимость от предварительного утверждения законодательными органами республик. За украинский вариант голосовали представители Белоруссии и Туркестана. Такая позиция свидетельствовала об опасениях республик в свободе реализации национальной специфики. Большинство голосов прошел проект Наркомпроса РСФСР, его обеспечили голоса наркомов автономий РСФСР. Замнаркома просвещения РСФСР И.И. Ходоровский усилил их вес: «Мы, РСФСР, считаемся Наркомпросом РСФСР, но мы – Наркомпрос РСФСР минус некая величина – Киргизская республика, Татарская, Башкирская, Бурят-

⁸⁵ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 2093, k. 40–42.

⁸⁶ „Работник просвещения” 1923, no 20, s. 10–11.

⁸⁷ Т. Ю. Красовицкая, *Совещания*, s. 61.

Монгольская, Якутская, Крымская, имя им легион... Мы не можем за них решать дела»⁸⁸. Но 13 сентября 1923 г. он сообщал Политбюро: хотя наркомы и «абсолютно независимы в своей деятельности», такой механизм предлагается «во избежание «бестолочи, бюрократизма и бесконечных конфликтов»⁸⁹.

Совещания делегировали своему представителю в СНК СССР (им стал А. Луначарский) вопросы согласования: 1) систем народного образования в отдельных республиках, 2) бюджета, 3) издательской деятельности и 4) просвещения национальных меньшинств, проживающих на территориях республик⁹⁰.

На совещаниях наркомов (декабрь 1923 г., октябрь 1924 г., 1927 г.) велась трудная дискуссия об основных началах системы просвещения, унификации ее в рамках СССР. Она началась еще на партийном совещании по вопросам народного образования (декабрь 1920 – январь 1921 гг.). На совещании 1924 г. оппонентом Луначарского выступил нарком просвещения Украины А.Я. Шумский. Он вообще отрицал необходимость единой системы образования в стране, оценив позицию Наркомпроса РСФСР как расширительное толкование «общих начал». Заставить Наркомпрос Украины принять позицию Наркомпроса РСФСР удалось только II партийному совещанию по народному образованию 1930 г.⁹¹

Обучение на родном языке автономиями увязывалось с решением тяжелейших задач: требовались огромные интеллектуальные, а, главное, финансовые средства. Наркомпросы автономий оказались на попечении местных бюджетов, и ситуация была плачевной. Они были в полной зависимости от успеха просьб Наркомпроса РСФСР выделить им средства. И А. Луначарский, и его заместитель В. Яковлева неоднократно поддерживали их. Но помощь содержала и идеологическую нагрузку. Это вызывало новые дискуссии, вело к частой смене наркомов в автономиях, отражалось на эффективности руководства в целом, подаче недостоверных данных, приписках успехов, в реальности не имевших места, давлению партийных органов, недоверию, жалобам, проверкам и перепроверкам.

⁸⁸ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 2093, k. 40–42.

⁸⁹ *Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик, 1919–1924 гг. Сборник документов*, Москва 1985, s. 57–58.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ *Резолюции Второго Всесоюзного партсовещания по вопросам народного образования*, Москва 1930, s. 12.

Совнацмен не справлялся с постоянно растущим объемом работы по согласованию ее содержания с автономными наркомпросами и своими отделами в губерниях. По-прежнему часть руководителей Наркомпроса (М.С. Эпштейн, председатель Главсоцвоса) считала, что его следует упразднить. Бесконечные комиссии ЦКК с неодобрением отмечали, что в Совнацмене «политическую линию намечали „низы” – съезды местных работников»⁹². Только в декабре 1924 г. в АССР Немцев Поволжья прошло 12 съездов учителей: в Вольском, Франкском и других кантонах⁹³. Началась борьба с ограничением их проведения (с 1917 по 1922 г. нами выявлено около 150 съездов). Со стороны НК РКИ сыпались угрозы перенести «вопрос на рассмотрение высших инстанций»⁹⁴.

5 октября 1925 г. в соответствии с новой Конституцией РСФСР ВЦИК и СНК РСФСР утвердили новое положение о Наркомпросе. 11 октября СНК заслушал доклад о Совнацмене. Теперь его функции сосредоточивались на «методической работе» как «эксперта в деле просвещения национальных меньшинств»⁹⁵. Взят курс на группировку структур Совнацмена по языковому и географическому признаку. Созданы 5 укрупненных отделов: угро-финский, тюркский, монголо-маньчжурский, народов Северного Кавказа и народов западной культуры⁹⁶. Внимание нацеливалось на родственность языковых групп и цивилизационную специфику. Но структура уже не вписывалась в сложившийся механизм связей с автономиями, созданных по этнотерриториальному признаку. 26 ноября 1926 г. Совнацмен, реорганизованный в Центросовнацмен, стал одним из главков Наркомпроса, утратив основную функцию – приспособления политических актов к национальной специфике. Состав его расширен представителями идеологических структур (ЦК ВКП (б), ЦК ВЛКСМ). Работа была сведена к проведению сессий – 2 раза в год. Это не способствовало оперативному реагированию на текущие проблемы, снизило роль совещаний наркомов, дублировало их работу, ставило автономных наркомов в большую зависимость от Наркомпроса РСФСР. В работе Центросовнацмена усилен идеологический компонент. Тот же Главсоцвос усиленно критиковал слабые

⁹² GARF, f. A-2306, op. 1, d. 3365, k. 1.

⁹³ Gosudarstvennyj Arhiv Saratovskoj oblasti [GASO] f. P-847, op. 1, d. 8, k. 1, 111.

⁹⁴ Т. Ю. Красовицкая, *Национальные съезды по просвещению*, „Советские архивы” 1980, no 2, s. 54; GARF, f. A-2306, op. 1, d. 1178, k. 10.

⁹⁵ GARF, f. A-2306, op. 69, d. 720, k. 9v.

⁹⁶ Ibidem, d. 717, k. 10.

результаты реализации педагогических экспериментов в рамках идеологии единой трудовой школы.

После открытых и острых дискуссий наркомов просвещения на своих совещаниях начала 1920-х годов, во второй половине их работа постепенно сворачивается. Из открытых они превращаются в совещания закрытые. 29 апреля 1927 г. под председательством А.В.Луначарского прошло одно из последних закрытое совещание наркомов. На нем рассматривался вопрос «О клерикальном движении и мерах борьбы с ним». Однако и в таком формате, совещание, тем не менее, предоставило «право маневрирования» «отдельным наркомпросам»⁹⁷.

Но административные импульсы становились жестче. Деятельность совещаний наркомов заменили партийные совещания по отдельным отраслям культуры и просвещения. К концу 1920-х годов в Наркомпросе по существу остается лишь общеобразовательная школа, что позволило концентрировать большее внимание на ее унификации и стандартизации. В 1934 г. Комнац Наркомпроса РСФСР, возглавляемый А. Рахимбаевым, наследовавший права и компетенции Центросовнацмена, ликвидируется.

«Великий перелом» затронул систему и в институционально-правовом, и в кадровом отношениях. М. Султангалиев в показаниях 18 декабря 1928 г. отмечал «рост великодержавных тенденций, с одной стороны и недовольства националов на этой почве – с другой»⁹⁸. В статье, изъятой органами НКВД при обыске в 1929 г., он утверждал: «Не зная в точности, чем мы являемся внутри системы ... и что это за отношения, мы не можем определить и того, чем мы должны стать и во что должны превратиться»⁹⁹.

К концу 1920-х годов все активные деятели национальных структур и бывшего Наркомнаца, и Наркомпроса РСФСР устранены из властных структур. 13 сентября 1929 г. Сталин писал Л. Кагановичу: «Насчет Султангалиева и прочей банды¹⁰⁰... Я против того, что из-за таких мерзавцев созвать новое нац. совещание. Дело обстоит не так плохо. У нас есть уже теперь марксистские кадры в нацобластях и республиках, которые сумеют дать сокрушительный удар буржуазным националам»¹⁰¹. Накануне отставки в мае 1929 г. и Луна-

⁹⁷ GARF, f. A-2306, op. 1, d. 3437, ч. 1, к. 52.

⁹⁸ М. Султангалиев, «Освободительное движение существует, прогрессирует и развивается», публ. И. Тагилова, „Эхо веков” 1995, no 5, s. 112–131.

⁹⁹ Arhiv KGB Respubliki Tatarstan, f. 4, op. 1, t. 2, k. 245–248.

¹⁰⁰ По «делу» Султангалиева привлечено 77 человек.

¹⁰¹ RGASPI, f. 81, op. 3, d. 99, k. 3v.

чарский откровенно признал: «мы хотим интернациональной культуры и полноты государственной власти»¹⁰².

В итоге если для Сталина очевидно априори негативное отношение к развитию «горизонтальных», мало контролируемых центром образовательных практик, то для Луначарского характерно тактическое признание их пользы для развития школ на родных языках. Однако и он оставался приверженцем монополии идеологических парадигм, применение которых в школьных практиках ограничивало горизонтальную деятельность, хотя и возникали перспективные организационные ее формы (совнацмены, совещания наркомов просвещения и др.). Этнические же элиты только в них и видели перспективы своей деятельности. Впрочем, и среди них самих достаточно устойчивым оставалось доминирование вертикальных интенций над горизонтальными.

Tamara J. Krasowickaja

Stalin i Łunaczarski – walka o charakter administracyjnych środków w polityce szkolnej wobec nierosyjskich narodowości (1917–1929)

Streszczenie

W artykule po raz pierwszy omówiono różne aspekty walki Józefa Stalina z Anatolijem Łunaczarskim o ustalenie środków administracyjnych skutecznych w polityce narodowościowo-kulturalnej w latach 1917–1929. Zagadnienie to jest rozpatrywane na tle budowy nowego systemu oświatowego i konfliktu o przewodnictwo w tym procesie dwóch centralnych instytucji – Ludowego Komisariatu Oświaty, na którego czele stał Łunaczarski, oraz Ludowego Komisariatu do Spraw Narodowości, z kierującym nim Stalinem. Konflikt ten został ukazany na przestrzeni trzech okresów: ustanowienia władzy radzieckiej, wojny domowej i, szczególnie, tworzenia Związku Radzieckiego, kiedy rozstrzygała się kwestia centralnego systemu zarządzania państwem. Szczególną uwagę autorka poświęciła problemowi rozbieżności między spekulatywnymi wyobrażeniami bolszewików o idealnej przyszłości, a rzeczywistą strukturą narodowościowo-kulturalną społeczeństwa na tle niestabilnej sytuacji polityczno-administracyjnej, separatyzmów narodowych, braku zaufania elit i w atmosferze rywalizacji centralnych organów władzy.